

© 2006 г.

Э.Д. ФРОЛОВ. Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 419 с.

Рецензируемая книга принадлежит перу известного российского антиковеда, заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского университета профессора Э.Д. Фролова. В ней представлено 30 статей, из которых почти все уже ранее были опубликованы в различных журналах и сборниках¹, в том числе малодоступных.

Весь материал сгруппирован в пяти блоках, которым предшествуют «Предисловие» и «Общее вступление. Парадоксы науки истории». Разделы эти следующие: I. Античный рационализм; II. Тирания и демократия; III. Испытание властью; IV. Интеллектуальная элита; V. Наследие классицизма. Разделение несколько условно (что оговаривает и сам автор), и существует определенная «перекличка», как содержательная, так и идейная, между статьями, помещенными в различных разделах.

Как отмечает Э.Д. Фролов в «Предисловии», общее, что объединяет все очерки, – это связь с античностью, историей и культурой греко-римского мира. Другая объединяющая черта – это «проникающий их интерес к общим проблемам исторического развития, а более всего – к особенным, своеобразным, прихотливым зигзагам человеческого бытия, которые с избытком предлагает нам для наблюдения классическая древность. Эти черты... при ближайшем рассмотрении напоминают нам о сходных явлениях более нового времени» (с. 3). Как справедливо считает автор, сопоставление этих явлений будет способствовать лучшему постижению как древности, так и современности. Статьи, собранные в данном сборнике, опубликованы, главным образом, в последние годы. Самая ранняя из них относится к 1982 г., но статей 80-х годов всего четыре, и подавляющее большинство отражает творчество ученого в 90-е годы XX и в начале XXI в. Соответственно, не подлежит сомнению, какие именно события и явления последних десятилетий побудили Э.Д. Фролова обратиться к темам, в которых сходятся проблемы античности и современности.

Э.Д. Фролов считает необходимым отметить, что ряд этюдов написан им с опорой на марксистскую концепцию исторического материализма, от которой теперь принято отрекаться на разные лады. Названная концепция, по его мнению, по крайней мере не хуже других, а может быть, даже и точнее и убедительнее некоторых из них. Поэтому автор решительно отказывается от «причесывания» своих ранних работ путем изъятия из текста «компрометирующих» ныне автора ссылок и пассажей. Естественно, что особое внимание привлекает «Общее вступление. Парадоксы науки истории». Оно состоит из трех частей: первая – «История как наука и искусство» – посвящена наиболее общим вопросам (понятие, предмет и назначение истории), две другие имеют названия: «Демократия и империализм в античной Греции» и «Проблема тупика в истории (к оценке исторического места античной цивилизации)».

Э.Д. Фролов следующим образом определяет историческую науку: «история есть наука о прошлом человечества в его преимущественно событийном выражении» (с. 8). В отличие от естественнонаучных дисциплин история имеет дело не с собственно фактами, а с отражением этих фактов в источниках («исторический факт не существует вне информации о нем», с. 10). Научный поиск историка должен быть ориентирован не только на обнаружение и описание факта, но и на выявление тех закономерностей, которые стоят за этим фактом. В творчестве историка должны взаимодействовать два противоположных начала: реальное и идеальное. Это настоятельное требование, поскольку историк должен в своем исследовании расположить обнаруженные им факты

¹ Не были ранее изданы две его статьи: «Феномен досуга в античном мире» (с. 292–297) и «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» (с. 335–342).

в рамках некоей целостной картины. Воссоздание и истолкование историком прошлых событий немислимо без сопереживания и выражения своего достаточно определенного отношения к изучаемому явлению. Призывы держаться объективной истины и избегать субъективных оценок нельзя, по мнению автора, назвать ничем иным, как чистым недоразумением, поскольку всякое историческое исследование неизбежно будет обладать некоторой субъективной окраской. Обращая внимание на проблему личности самого исследователя-историка, Э.Д. Фролов подчеркивает, что профессиональное образование – неперемный атрибут историка. Попытки дилетантов заняться историописанием приводят, как правило, к чудовищным нелепостям, ярчайшим примером чего являются сочинения математиков типа А.Т. Фомснко.

Переходя к более конкретным примерам того, сколь нетривиальны могут быть подходы и наблюдения в истории, Э.Д. Фролов рассматривает две проблемы. Первая – проблема демократии и империализма. С его точки зрения, империализм составлял интегральную часть античной цивилизации потому, что она была основана на рабстве. Самым ярким примером империализма в древнегреческом мире служат Афины – наиболее развитый демократический режим того времени².

Вторая более конкретная проблема, рассматриваемая в этом очерке, – проблема тупика в истории. Э.Д. Фролов имеет в виду подход некоторых медиевистов, согласно которым античность представляла собой тупиковую линию развития, поскольку она практически кончила тем же, чем начало средневековье, – «простым парцеллярным хозяйством полусвободного земледельца» (с. 24). Он противопоставляет им свое видение – в конечном счете гибель античной цивилизации была предопределена ее рабовладельческой природой: как только прекратились завоевательные войны, снабжавшие общество рабами, ее гибель стала неизбежной. Этой основной причине сопутствовали и другие (политические, идеологические и т.д.). Говоря о главных достижениях античной цивилизации, Э.Д. Фролов называет город, который стал главной экономической и социальной ячейкой общества, гражданское общество с его институтами самоуправления, успехи в области культуры, которые не были забыты последующими поколениями, наконец, христианство.

Основная часть книги начинается разделом «Античный рационализм», который включает следующие очерки: «Письменная культура и историческая традиция в античном мире», «Вечная тема свободного общества: прибыль и предпринимательство в античной Греции», «Рационализм и политика в архаической Греции», «Эсимнетия – выборная тирания, или вид социального посредничества», «Рождение геополитической идеи: программа Гермocrates Сиракузского».

В этом разделе отчетливо проявляется одна из основных идей всего сборника, которая в разных формах и по разному поводу звучит в отдельных статьях, именно – отвержение примитивизирующего подхода к античному обществу, который был сформулирован еще в XIX в., а во второй половине XX в. получил широкое распространение. Критика этого комплекса идей проходит красной нитью через весь сборник. Э.Д. Фролов последовательно на самых различных материалах доказывает, что античную цивилизацию не следует рассматривать как нечто очень простое и примитивное. В первом из очерков Э.Д. Фролов, вопреки мнению многих историков, пытавшихся доказать, что в древней Греции в силу примитивности ее общественной организации отсутствовала система письменной фиксации важнейших исторических фактов, убеждает в наличии устойчивой и весьма богатой официальной письменной традиции.

Столь же решительно он отвергает идеи о примитивности античной экономики, восходящие к И.-К. Родбертусу и К. Бюхеру. Во второй половине XX в. подобное представление о характере экономического базиса древнегреческого (и в целом, античного) общества получило широчайшее распространение под влиянием авторитета М. Финли и Эд. Вилля (особенно первого). Опираясь на анализ множества источников, Э.Д. Фролов доказывает, что древнегреческая экономика в архаическое и классическое время имела ясно выраженный рыночный характер, была ориентирована на приобретение наивысшей прибыли. Более того, само развитие экономики в этом направлении сопровождалось оживленной дискуссией среди античных интеллектуалов относительно природы экономических отношений и целей экономической деятельности. Вместе с тем нельзя полностью принять и идеи противников К. Бюхера, в частности Э. Мейера, хотя их понимание природы этого явления более адекватно отражает историческую реальность. В концепции Э. Мейера и его сторонников автора не удовлетворяют преуменьшенные роли рабства в классическом обществе.

Статья «Рационализм и политика в архаической Греции», впервые опубликованная в 1982 г., имела в то время резко полемический характер. Она была направлена против абсолютизации роли социально-экономических факторов в изучении процесса становления полисного строя. Отме-

² Еще в 30-е годы XX в. П. Клоше, сравнивая афинскую и французскую демократические системы, указывал, что демократия – наиболее удобный политический режим для создания колониальных империй.

тив, что значение политических деятелей усматривают, главным образом, в том, «насколько полно сумели они отразить в своих начинаниях необходимые запросы эпохи» (с. 58), Э.Д. Фролов стремился показать, что в архаическую эпоху в политическом творчестве греков огромную роль играл «рациональный момент». В эту переходную эпоху происходили известное освобождение и стимулирование творческой энергии личности. Не отрицая решающей роли объективных социально-экономических и политических факторов в становлении классической греческой цивилизации, автор подчеркивает «большую роль субъективных творческих усилий, в силу которых социальные и политические установления греков, равно как и их политическая идеология, рано обрели такой четкий, исполненный рационального узора профиль, на какой, как кажется, не может претендовать ни один другой древний народ» (с. 75).

Следующая статья в своих исходных положениях теснейшим образом примыкает к предыдущей. В ней на основе анализа ряда свидетельств источников рассматриваются те случаи, когда в ходе социальных и политических конфликтов в ряде полисов в архаическую эпоху граждане избирали эсиметов, выступавших в роли социальных посредников для форсированного упорядочения гражданских дел. Э.Д. Фролов выявляет типично греческие корни этого института. Его существование и достаточно широкая распространенность подтверждают вывод автора о значении рационального момента в период архаической революции VIII–VI вв. до н.э.

В следующем разделе книги речь идет о политической организации древнегреческого общества, прежде всего о тирании и демократии. Начинается он статьей «Греческая тирания: слово – термин – понятие». Сами греки с редким единодушием вынесли отрицательный вердикт о тирании, что, по мнению Э.Д. Фролова, не оставляет места для попыток ученых нового времени найти в тиранических режимах нечто позитивное. Как показано в статье «Тирания глазами древнего историка», подобно большинству афинян, отрицательно оценивал тиранию Писистрата и Фукидид.

Более общие проблемы тирании рассматриваются в очерке «Греческая тирания и римский принципат: опыт типологического сопоставления». Э.Д. Фролов считает их сопоставление вполне обоснованным, хотя в некоторых деталях два этих режима отличались друг от друга, что, с точки зрения автора, объясняется большей консервативностью римского гражданского общества и традиционным авторитетом его главного представительного органа – сената.

Своего рода историко-теоретическим заключением к одному из монографических исследований Э.Д. Фролова³ служит статья «Социальная революция, тирания и демократия в античной Греции». Повторяя одну из важных и дорогих для него мыслей, а именно: положение о том, что историческое сопоставление является, бесспорно, в конечном счете, «главным методом прояснения и возможного решения актуальных социально-политических проблем» (с. 142), Э.Д. Фролов указывает, что наблюдения над историей архаической Греции могут помочь лучше понять процессы, происходящие в современном обществе (статья впервые опубликована в 1989 г.). Особо выделяются им следующие проблемы: «природа острого социального развития, судьбы революции, возможности возникновения авторитарного режима и перспективы перехода от этого последнего к полноценной демократии» (с. 143).

Рассматривая архаический период в истории Греции как время социальной революции, основное его содержание Э.Д. Фролов видит в переходе от древнего аристократического порядка к демократическому гражданскому обществу. Архаическая революция избежала истребительной гражданской войны благодаря сознательной и конструктивной деятельности социальных посредников – эсиметов. Вместе с тем, автор не исключает крайностей, и самым ярким проявлением иррационально-эгоистического личного начала в этот период считает тиранию. Будучи режимом личной власти, тирания не могла быть прочной формой власти. Вопреки мнению ряда исследователей, нельзя считать, что тирания способствовала созданию нового общества.

Проблемы античной демократии рассматриваются на примере афинской демократической системы, которая в Новое время обычно характеризуется как «совершенная форма государства, созданного классической древностью» (с. 153). Это положение, однако, в последние десятилетия подвергается атакам с разных сторон и именно поэтому феномен афинской демократии нуждается, как справедливо полагает Э.Д. Фролов, в новом обсуждении. Автор обращается к ряду проблем в истории демократического режима Афин: его становлению, внутренним коллизиям (взаимоотношения демократической массы и ее аристократических лидеров, основных демократических институтов и традиционалистского Ареопага, взаимосвязи между развитием демократии и империалистической политикой). Э.Д. Фролов считает, что развитию радикальной демократии в Афинах (а именно таковой она была уже в V в. до н.э.) «содействовали самым решительным образом такие факторы, как война с персами с ее ближайшими последствиями в виде морской программы Фемистокла, как стимулированное войною утверждение античной (т.е. экзогенной, за счет чужеземцев) формы рабства и соответственное укоренение этносоциальной корпоративнос-

³ Я имею в виду книгу Э.Д. Фролова «Рождение греческого полиса», второе издание которой вышло в Санкт-Петербурге в 2004 г.

ти в афинском народе, как, наконец, развязанное все той же войною построение Афинской морской державы. Но эта же исключительная роль войны как условия для формирования в Афинах строя радикальной демократии придает достаточно искусственный характер этой системе, как и всей античной цивилизации в целом» (с. 163).

В следующей статье «Политические лидеры афинской демократии» развивается тема, уже в определенной степени рассмотренная в предыдущей работе. Касаясь судеб политических лидеров Афин (вплоть до Перикла), Э.Д. Фролов указывает на то, что печальный конец их был скорее правилом, а не исключением. По его мнению, важнейшее внутреннее противоречие афинской демократии заключалось в том, что она могла достигать успехов только под руководством аристократических лидеров, но в то же самое время не могла не устранять их. Исчерпание кадров таких лидеров после Перикла не случайно совпадает с началом кризиса афинской демократии. В этом проявляется коренной внутренний порок античной демократии: «кардинальная проблема соотношения "вожди – масса" в условиях античного общества не могла быть решена сколько-нибудь удовлетворительным образом, и это обрекало передовую форму античной государственности на скорое перерождение и упадок» (с. 181).

Статья «Соблазн научного поиска (по поводу новой книги об афинской демократии)» представляет собой введение к книге Х. Туманса «Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)». По своему характеру она скорее напоминает рецензию, чем введение. Главный упрек Э.Д. Фролова в адрес Х. Туманса состоит в том, что в книге последнего главным «двигателем» процесса исторического развития выступают изменения в общественном сознании, причины же этого не выявляются. Социальные и политические предпосылки становления демократического строя в Афинах тем самым практически игнорируются. Нельзя не согласиться с Э.Д. Фроловым: Х. Туманс попал в трудное положение, последовав за двумя одинаково ущербными концепциями – объективного идеализма, диктующего примат сознания, и социологического фатализма, отрицающего значение индивидуальных творческих усилий.

Более частному вопросу посвящена статья «Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах»⁴, но и этот вопрос рассматривается в рамках проблемы специфики процесса становления демократического строя в Афинах.

Третий раздел книги «Искушение властью» открывается статьей «Традиционные оппозиции в греческой социальной терминологии: эллины – варвары, цари – тираны, мудрецы – софисты». Данная статья, как и три последующие, связана с темой тирании, занимающей в творчестве Э.Д. Фролова особо заметное место: «Критий, сын Каллесхра, афинянин – софист и тиран», «Соблазн для мудреца: Платон и тирания». «Философ у власти: правление Деметрия Фалерского в Афинах (317–307 гг. до н.э.)». На примере Деметрия Фалерского – государственного деятеля, философа и писателя, автор показывает характерную смену ценностных ориентаций в греческом мире при переходе от классики к эллинизму.

Раздел IV «Интеллектуальная элита» включает четыре очерка. В первом из них – «Феномен досуга в античном мире» обрисовывается понятие «досуга» (схолэ), которое в античном обществе воспринималось как «время, свободное от каких-либо материально-необходимых занятий, как неотъемлемое свойство гражданского состояния» (с. 292). В социальном плане схолэ «выступает как отличительная черта и предпочтительная форма жизни граждан» (с. 296). В статье «Античная интеллигенция» самым кратким образом рассматриваются вопросы: какие категории населения можно определить как интеллигенцию, ее место в греческом и римском обществе, рождение христианской интеллигенции.

Более развернутый характер имеет статья «Кружок Перикла». Тема изучается не только в историко-культурной (как это обычно делается), но и в историко-политической перспективе. Э.Д. Фролов видит в кружке Перикла своего рода прообраз придворных обществ или советов друзей, которые станут важными элементами политических структур, господствующих в поздне-классическое и эллинистическое время, – в тиранических и собственно монархических государственных образованиях. Гражданство Афин осознавало чуждость их демократическому режиму, чем и объясняются гонения, которым подвергались друзья Перикла.

Заключительный очерк посвящен античному Мусейону в его развитии от частнопроводного института к государственному учреждению. Э.Д. Фролов считает основной замечательной культуры античности «высокое развитие образования и науки, опиравшееся, в свою очередь, не только на индивидуальные свершения ученых, но и на достаточно разработанные организационные формы, на своего рода учебно-научные центры», которые в известной мере напоминают явления нового времени (с. 314). Автор первый пример такой организации видит в Союзе пифагорейцев, затем более детально пишет об Академии Платона и Ликсе Аристотеля. Основное внимание, естест-

⁴ Выводы частично оспорены в статье: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55; № 4. С. 23–42.

венно, уделено александрийскому Мусейону. С гибелью последнего в период царствования Феодосия практически пресеклась античная традиция научно-учебных центров.

Последний раздел – «Наследие классицизма». Основу статьи «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» составляет разбор письма, написанного Б.-Г. Нибуром в 1822 г., в котором излагаются его взгляды на научную подготовку будущего специалиста-антиковеда. Предваряется этот анализ краткой биографической справкой и разбором основных итогов исследований выдающегося немецкого ученого. Следующая статья «Римская история в трудах французского классика Гастона Буассье» представляет собой очерк его жизни и деятельности. Он достаточно подробен, поскольку был опубликован в качестве предисловия к новому изданию переводов трудов Г. Буассье, к сожалению, так и не завершеному.

Тот же характер имеет и очерк о Г. Ферреро («Итальянский историк-парадоксалист Гульельмо Ферреро»). Наконец, один из вариантов автобиографии У. фон Виламовиц-Мёллендорфа, составленный по латыни в 1870 г. в качестве приложения к докторской диссертации, опубликован на языке оригинала с переводом и небольшим вступлением в статье «Исповедь великого ученого: к опубликованию латинской автобиографии Ульриха фон Виламовиц-Мёллендорфа»). Несомненный интерес вызывает также очерк «Европейские центры антиковедения: Лозанна, Халле, Женева», построенный на основе личных впечатлений Э.Д. Фролова. Несколько неожиданным кажется появление в сборнике рецензии на один из американских фильмов, правда, посвященный древнему Риму («Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта «Гладиатор»»). Заключением служит статья «Культура классицизма и современная ан-тикультура».

Думаю, со мной согласятся все, кому довелось прочитать книгу Э.Д. Фролова: мы должны быть благодарны Издательскому дому Санкт-Петербургского университета, сотрудники которого сделали антиковедам (да и не только им) прекрасный подарок, собрав в едином томе разбросанные в различных изданиях статьи известного и авторитетного исследователя, который уже много лет плодотворно работает над проблемами античной истории. Эта книга вызывает значительный интерес не только постановкой и оригинальным решением ряда важных, часто остававшихся «в тени» вопросов. Важна она и другой своей стороной. Каждая историческая эпоха заставляет историков заново обращаться к прошлому, поскольку современные им проблемы подталкивают к тому, чтобы посмотреть на старые проблемы под новым углом зрения. Можно вполне согласиться с автором, что опыт, пережитый нашей страной за последние годы, побуждает вновь обратиться к ряду традиционных проблем, поскольку этот опыт открывает некоторые новые перспективы для исследователя, заставляет увидеть в прошлом те грани, которые оставались незамеченными.

Задача человека, который решится выступить рецензентом этой книги, – достаточно трудна. Передать содержание, систему аргументации, выводы 30 различных статей – много сложнее, чем охарактеризовать целостную монографию того же самого объема. Конечно, ряд близких идей присутствуют в нескольких статьях, но это не очень облегчает труд рецензента, поскольку идейное тождество (что свидетельствует о целостности авторской концепции) не означает механического повторения. Каждый раз эти идеи предстают применительно к новому материалу, новому набору тем, в связи с совершенно иными проблемами, в разных ракурсах.

Прежде всего, к числу генеральных идей Э.Д. Фролова следует, как мне кажется, отнести его твердое убеждение в высшей ценности античной цивилизации, которая служит основой современной европейской цивилизации. Для подтверждения этой идеи автор обращается и к авторитетам классиков антиковедения и к авторитетам классиков марксизма. Э.Д. Фролову импонирует идея В.И. Ленина о «спиральном» пути развития общества. Античная цивилизация в его представлении находится на том отрезке спирали, который лежит прямо под современной цивилизацией, в результате они оказываются типологически близкими. Соответственно, ему несравнимо ближе «модернисты», включая ученых конца позапрошлого века, чем «примитивисты». В самой общей форме эти представления, конечно, не могут не вызвать одобрения. Решительно оспаривая взгляды М. Финли и его сторонников и последователей, Э.Д. Фролов, несомненно, прав. При всех недостатках концепций модернизма они все же много более адекватно отражают реалии экономики античного общества, чем представления о ней примитивистов. Хотелось бы подчеркнуть, что Э.Д. Фролов здесь не одинок. И на Западе все более активно звучат голоса тех, кто убежден в том, что, следуя по стопам М. Финли в анализе античной экономики, можно прийти только в тупик⁵.

⁵ Один из первых примеров защиты М.И. Ростовцева от критики примитивистов см. *D'Arms J.A. M.I. Rostovtzeff and M.I. Finley: the Status of Traders in the Roman World // Ancient and Modern: Essays in Honor of G.F. Else / Ed. J.H. D'Arms, J.W. Eadie. Ann Arbor, 1977. P. 159–179.* См. также *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1. Москва–Магнитогорск, 1997. С. 82–96.*

Естественно, что вопрос о «спиралях» неизбежно влечет за собой следующий: об использовании методологии исторического материализма в применении к исследованию античного общества. Как уже отмечалось в начале рецензии, Э.Д. Фролов решительно отказывается «причесывать» свои более ранние работы, выдирая из их текста сноски на труды классиков марксизма. Он справедливо указывает, что в мировой науке марксистский исследовательский метод – один из вполне легитимных методов анализа прошлого. В дополнение к тому, что справедливо пишет по этому поводу Э.Д. Фролов, укажем, что (говоря самым общим образом) марксизм состоит из двух частей: историческо-социологической концепции, обращенной к анализу прошлого, и модели построения общества будущего, якобы вытекающей из анализа общих тенденций развития общества в прошлом и настоящем. Что касается второго элемента этой схемы, то сейчас уже совершенно ясно, что он фатально неверен. Будущее непознаваемо и пытаться строить какие-либо модели его – абсолютно бессмысленное занятие. Однако из этого не следует, что историческо-социологическая составляющая марксистского учения неверна. Более того, как мне представляется, в этой концепции есть определенные достоинства, которыми не следует пренебрегать. К числу их относится, в частности, особое внимание к экономической и социальной структуре общества, развитию производительных сил. Марксизм особенно силен в анализе глубинных, длящихся десятилетия и столетия, процессов. Замечательный образец исследований, построенных именно на таком понимании марксистского метода, дала в нашей науке Е.М. Штаерман.

Вместе с тем, марксизм недооценивал собственно «человеческий фактор», для марксизма человек в целом, прежде всего, – функция его социального статуса. Но человек – много более сложное явление, и с помощью традиционных марксистских схем невозможно понять деятельность многих великих людей. Так, попытка сделать Льва Толстого «зеркалом русской революции» сейчас ничего, кроме усмешки, вызвать не может. Марксистские схемы оказываются почти бесполезными и при анализе быстропротекающих политических событий. Весьма показательны, что в таких произведениях чисто исторически-событийного характера, написанных классиками марксизма, как, например, «18 брюмера Луи Бонапарта», при всем желании мы не найдем и следа марксистской методологии и даже марксистской терминологии.

Правда, возникает одно недоумение. Э.Д. Фролов ссылается на известную работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», в которой превратно трактуется проблема становления государства в древней Греции, в частности, в Афинах. Об этом совершенно определенно говорит и сам автор.

Хочется полностью поддержать Э.Д. Фролова в его неприятии некоторых современных концепций, построенных не на анализе конкретного материала источников, а на применении схем, выработанных иными отраслями науки на совершенно ином материале, которые затем насильно прилаживаются к античному обществу. Так, например, изучается «стратегия выживания» племен Полинезии или бирманской глубинки, а затем эти выводы становятся методологической базой для анализа аграрных проблем Атики.

При анализе процессов становления полиса Э.Д. Фролов особо подчеркивает роль рационального начала, воплощенного в деятельности законодателей, которые умели находить решения, стабилизирующие обстановку, прекращали состояние стасиса и приводили к гражданскому миру. Эта идея – одна из ведущих в книге. Отдавая должное благородным намерениям автора, все же осмелимся заметить, что он скорее выдает желаемое за реальную действительность. В качестве примера приведем столь любимого им Солона. Реформы Солона не привели к гармонизации отношений в Афинах, скорее наоборот, стали преддверием тирании Писистрата.

Хотелось бы также откликнуться еще на одну ведущую идею Э.Д. Фролова. Он неоднократно указывает, что античная культура потому и называется классической, что она стала нормативной для культуры Нового времени. Однако автор как будто забывает о том, что сейчас у нас не XIX век и не первая половина XX века, а уже XXI век. Для подавляющего большинства современных деятелей культуры античное искусство уже утратило нормативный характер. По крайней мере со времени футуристов уничтожением классики занимаются все более широкие круги деятелей искусства. То, о чем с такой горечью пишет Э.Д. Фролов, когда касается проблем современной антикультуры, началось уже давно, сейчас же этот процесс зашел так далеко, что говорить о нормативном значении античности вряд ли возможно.

Не могу не откликнуться на «проклятую» проблему кризиса полиса. Правда, в рецензируемом сборнике Э.Д. Фролов только упоминает об общем кризисе полисного строя – как традиционных порядков внутри города-государства, так и сложившейся системы межполисных отношений, и характеризует социально-политическую ситуацию в Греции в конце V в. до н.э. как начальную стадию кризиса классического полиса (с. 227). К своему удивлению, среди довольно значительной литературы, к которой автор отсылает читателей для более широкого знакомства с темой кризиса полиса (с. 227, прим. 2), я не нашел сборника статей, написанных на основе докладов и дискус-

сий, развернувшихся в ходе их обсуждений на симпозиуме, который был посвящен афинской демократии (Белладжо, 1992 г.)⁶. Сборник отражает современное состояние изучения проблемы афинской демократии, правда, в IV в. до н.э., и проблема кризиса полиса заняла на этом симпозиуме заметное место.

Не могу, в завершение, не коснуться рецензии «Новый опыт историко-художественной интерпретации античности: фильм Ридли Скотта “Гладиатор”». Сделав несколько критических замечаний относительно некоторых особенностей фильма, Э.Д. Фролов достаточно высоко оценивает его. Он указывает на то, что «в природе любого историко-художественного произведения заложена известная перелицовка исторического материала, без чего невозможен духовный презентизм, который один только и делает данное произведение исполненным актуального звучания и интереса» (с. 407). Соглашаясь с тем, что в фильме имеется ряд неточностей, он вместе с тем не придает им серьезного значения, поскольку та перелицовка исторического материала, которая явно видна в нем, находится в такой пропорции к исторической реальности, «которая служит гарантией воспроизведения некоей актуальной духовной коллизии на условно достоверном историческом фоне, без несущей скуку рабской привязанности к историческим деталям» (с. 407).

Сказано, конечно, красиво, как обычно у Э.Д. Фролова, но хотелось бы поставить вопрос несколько по-иному: заслуживает ли прошлое уважения? Почему более точное воспроизведение реалий прошлого обязательно должно «нести скуку»? С точки зрения специалиста, например, центральная сцена фильма – сражение на арене Колизея – просто смешна. Напомним, что две сражающиеся группы должны были представлять: одна – римлян, другая – карфагенян. В результате римляне сражаются на боевых колесницах, снабженных косами. Но ведь для римлян такой способ сражения был абсолютно невозможен. Конечно, можно посчитать это мелочью, но почему одно и то же идейное содержание нельзя выразить средствами, более близкими к реальности? Ведь создателям фильма нужно было только одно – пригласить консультанта из любого самого захудалого колледжа, который избавил бы их от подобных нелепостей. В связи со сказанным стоит напомнить другой фильм, вышедший из того же голливудского гнезда, – «Клеопатру», о котором тоже благожелательно вспоминает Э.Д. Фролов. В нем сцена морского сражения представлена так, что создается впечатление, что это не бой при Акции, а скорее Ютландский бой, в котором немецкий флот открытого моря бьется с британским Большим флотом.

Неужели нельзя сделать фильм таким, чтобы «накладки» не были столь вопиющи? Понятно, когда безобразные искажения исторических реалий появляются в некоторых российских фильмах. Например, в нашумевшем фильме Н. Михалкова «Сибирский цирюльник» они явно нарочиты. Фильм делался в расчете на показ на Западе и поэтому нужно было сделать так, чтобы западный, в первую очередь американский, зритель мог вдоволь посмеяться над «дикими русскими». Но ведь у голливудских создателей фильмов на античные темы таких «сверхзадач» нет. Тем не менее каждый такой фильм представляет собой целую плантацию «развесистой клюквы».

Причиной подобного подхода к созданию фильмов на античные сюжеты является, как это указывает сам Э.Д. Фролов, падение престижа античной культуры и, соответственно, уважения к ней. Режиссеры фильмов, насколько можно судить по их продукции, – люди весьма низкого уровня образованности и в то же время чудовищного самомнения. Проблема взаимоотношений между ними и их консультантами прекрасно была в свое время описана Э.-М. Ремарком в книге «Тени в раю». Вряд ли что-нибудь с того времени изменилось.

Можно много хорошего сказать об отдельных исследованиях автора, включенных в данный сборник, однако тогда рецензия разрослась бы до невероятных размеров. Э.Д. Фролов – один из самых авторитетных наших специалистов, его анализ различных проблем античного общества и его выводы всегда вызвали интерес и будили мысль. Конечно, его работы будут и далее привлекать внимание коллег, я же хотела сказать прежде всего об основных идеях Э.Д. Фролова, которые пронизывают сборник и придают единство собранным в нем статьям.

Соглашаясь в конце нашей затянувшейся рецензии с суждением Э.Д. Фролова об истории не только как о науке в обычном смысле слова, но и как о весьма своеобразном искусстве (с. 19), хотелось бы сказать о художественном мастерстве нашего автора, работы которого доставляют истинное эстетическое наслаждение.

Л.П. Маринович

⁶ Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v. Chr. Vollendung oder Verfall einer Verfassung? Akten eines Symposiums 3–7. August 1992, Bellagio / Hrsg. von W. Eder. Stuttgart, 1995.